

18+

Владимир Крючков

Душа души моей 2.0

флэш-фэксн

Владимир Крючков

Душа души моей 2.0. флэш-фэксн

«Издательские решения»

Крючков В.

Душа души моей 2.0. флэш-фэксн / В. Крючков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982360-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Сборник воспоминаний-вспышек памяти. Правдивых,
поскольку врать скучно, да и лень. Холодные заметы ума перемешаны с
горестными наблюдениями сердца случайным образом. Организация "Meta
Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-44-982360-1

© Крючков В.
© Издательские решения

Содержание

ДМИТРОВ	6
ОБ АВТОРЕ	7
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	9
АНГЛИЙСКИЙ РОЖОК В ТРИГОРСКОМ	10
ЗАВТРАШНЯЯ ТУШЕНКА	11
ВОСПИТАНИЕ НАЧАЛЬНИКА	12
КНИГОЛЮБИЕ	13
ГОРЫ СЛЕВА, ГОРЫ СПРАВА	15
УЧИТЬСЯ УЧИТЬСЯ УЧИТЬСЯ	17
НЕ или SHE	18
ПЛАТОНОВ	19
ПИСЬМА ПУШКИНА	21
ПЕЛЕВИН	22
ГОФМАН	24
ПОДЛИННЫЕ ЛЮДИ	25
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВДОВЫ	26
ЗАБОЛОЦКИЙ	27
КИРСАНОВ	28
СЕРЕБРИМАЯ	29
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ	30
ДУ ФУ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Душа души моей 2.0 флэш-фэксн

Владимир Крючков

© Владимир Крючков, 2020

ISBN 978-5-4498-2360-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДМИТРОВ
2020

ОБ АВТОРЕ

Закончил химфак МГУ, но доктором стал по экономике.

Женат, две взрослых дочери. Работающий пенсионер.

Критичен, иногда до желчности, поскольку еще в юности вычитал, что это – признак настоящего интеллигента.

Вероисповедание – православное, захожанин. Уважаю священные тексты ислама, иудаизма, буддизма, ламаизма.

Предпочитаю фильмы и книги в стилях нон-фикшн и киберпанк. «Матрицу», «Аватар» и «Интерстеллар» выделяю особо, как знаковые фильмы.

Люблю хорошую поэзию (Державин, Дмитриев, Глинка, Пушкин, Лорка, Заболоцкий, Тарковский).

Влюблен в средневековую поэзию и прозу Дальнего Востока (Япония и Китай).

Зачарован притчами Чжуан-цзы и суфийской литературой.

Из современных зарубежных авторов выделяю Чака Паланика, Дугласа Коупленда, Нила Стивенсона, Руди Рюкера и Лю Цысиня.
Красивист (по терминологии Ландау).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Написав и опубликовав первый сборник рассказов «Душа души моей...», я уже не смог остановиться и продолжил вспоминать и записывать эти вспышки (flash) памяти.

Стиль выбрал, каковой американцы называют faction = fact + fiction.

К сожалению, не удалось избежать некоторой публицистичности ряда рассказов, но из песни слов не выкинешь – без fact останется чистый fiction.

Если кого-то из читателей это разочарует, заранее прошу прощения.

Так вскоре и набрался второй сборник.

Автор

Февраль 2020

АНГЛИЙСКИЙ РОЖОК В ТРИГОРСКОМ

Мы приехали осмотреть развалины фундамента старой постройки в Тригорском. Был солнечный день с время от времени набегающими облачками. Наскоро осмотрев заросшие развалины, мы стали думать, с чего начать работу по его восстановлению. Пока суть да дело, нас с Колей послали в соседний магазинчик за вермутом. Вермут был ядовито-розового цвета, с сильным запахом полыни. Стаканы от него не отмывались.

Мы взяли несколько бутылок и, не спеша, отправились обратно. По дороге мы лежались на траву в тени очередной сосенки, откупоривали вермут и рассуждали о жизни и поэзии. Мы оба писали юношеские стихи. Коля, по причине происхождения (старая московская интеллигенция), писал их лучше. Допив бутылку, мы поднимались и шли к следующей сосенке. Осталась последняя бутылка, когда мы поравнялись с основным зданием усадьбы. Здание было похоже на мрачный барак или старую конюшню (кому какое сравнение больше понравится), но никак не на приют муз, как о нем писал Пушкин. По нему бродили группы туристов с экскурсоводами.

Вдруг Коля сказал: – Зайдем?

Я оглядел нас – кирзовые сапоги, заляпанные высохшим раствором и ковбойки, пропитанные въевшимся цементом.

– Как-то неудобно.

– Пошли, я тут всех знаю.

Мы вошли в боковую дверь и оказались в пустой комнате со старинной мебелью. В углу стоял музыкальный инструмент с большими прямоугольными педалями. Коля сел за инструмент и сказал: – Это фисгармония. Что тебе сыграть?

Я удивился. – А что, можно?

– Да я тут давно играю время от времени, меня все знают. В каком тебе регистре?

Надо сказать, что медведь как в детстве стал мне на ухо, так твердо на нем и стоял. Я сказал: – Сыграй на свой выбор.

Коля выдвинул рычажок, на котором было написано English horn¹, я же сел на пол, привалился к стенке и закрыл глаза. Коля играл и играл. Он менял регистры, играл известные пьесы, импровизировал. Сквозь музыку я слышал, что время от времени открывалась дверь, кто-то заглядывал в комнату, видел нас и быстро испуганно закрывал ее.

Потом мы забрали последнюю бутылку вермута и пошли к ребятам. Никто нас не упрекнул – видимо, что-то на наших лицах сохранилось от музыки.

Недавно я прочитал, что в Первую мировую войну Морис Равель служил водителем грузовика и подвозил припасы для солдат. Как-то солнечным утром он проезжал разбомбленные города. Вдоль дорог торчали обломки деревьев, разбитых снарядами. Воздух был чист и прозрачен и вдалеке Равель увидел старинный замок. Он подъехал туда и вошел внутрь. В одном из залов чудом сохранилось настроенное фортепиано. Равель сел за него и сыграл несколько произведений Шопена. Позже он вспоминал этот момент как одно из величайших просветлений в своей жизни.

Интересно, помнит ли Коля этот эпизод с вермутом и английским рожком?

¹ Английский рожок – звучит на октаву ниже гобоя.

ЗАВТРАШНЯЯ ТУШЕНКА

По утрам за нами приходил разбитый «газик» со скамейками в кузове. Мы загружались, рассаживались по скамейкам и весело ехали, подпрыгивая на ухабах, на работу. Вдоль дороги тянулись местные жители, которых наши ребята окрестили «сиреневыми людьми» за цвет их лиц по утрам.

Наша команда выгружалась около базы райпотребсоюза и через дырку в заборе мы шли на работу. Мы грузили из склада на приезжавшие машины ящики тушенки, которая производилась здесь для питания трудящихся.

В обед мы набирали горячие еще банки и через другую дырку в заборе шли на соседнее предприятие, которое разливало лимонад «Буратино», меняли банки на бутылки и возвращались обедать.

Постепенно мы разглядели, что на банках тушенки была выдавлена завтрашняя дата. И когда нам попадалась банка с сегодняшней датой, мы брезгливо отодвигали ее, как несвежую.

Как-то у соседей мы обнаружили, что лимонад они изготавливают, просто разбавляя концентрат напитка, который им привозили. Концентрат был где-то градусов под семьдесят. Вечером мы налили этот концентрат в бутылку и попросили закупорить ее как обычный лимонад. Сев в машину, предложили народу попить. Первый же желающий, сделав глоток, поперхнулся, потерял дар речи и молча передал бутылку следующему. Так бутылка обошла всю машину, и только тогда мы объяснили народу секреты технологии производства лимонада.

Работа на базе пролетела как один день.

ВОСПИТАНИЕ НАЧАЛЬНИКА

Командир нашего отряда всегда ходил с хитрым выражением лица, которое досталось ему от природы. При этом был милейшим и добрейшим человеком.

Как-то утром он выстроил отряд на линейку и начал зачитывать наряды на работу. Солнце отчаянно светило нам в лицо, а он делал вид, что не замечает этого. Тогда, по команде комиссара, отряд сделал «поворот все вдруг» и, не сговариваясь, зашаркал ногами по пыли, изображая движения кошки, зарывающей что-либо, ей не понравившееся.

Помогло. Больше такое не повторялось.

А для завершения характеристики командира приведу такой пример. Мы работали на выезде и еду нам привозили на мотороллере. Как-то командир лично привез еду, чтобы заодно проинспектировать, как у нас идут дела. Хлеб был теплый. Мы растроганно поблагодарили его. А он простодушно сказал: – Там дождик накрапывал, так я сел на хлеб, чтобы он не намок.

А ведь мог смолчать и не услышать всего, что последовало за этим.

КНИГОЛЮБИЕ

Книги я любил с детства. Любил читать, листать и просто перебирать их на полке. Каждая из них обещала что-то своё, каждая обращалась ко мне на своем неслышном языке, понятном только нам двоим, поскольку, прочитав её, я запоминал то, что нашло отклик в моей душе, и ни в чьей больше. Наши отношения можно было бы назвать интимными, но тогда из этого, хорошего в своей основе, слова пришлось бы выбить всю накопившуюся со временем пыль, как из драгоценного старого ковра.

Для восхищения книгой мне не обязательно владеть ей, поскольку практически то же самое чувство благоговения я испытываю, беря в руки редкую книгу в читальном зале. Возвращаю ее без сожаления, поскольку знаю, что в любой момент вернусь в библиотеку и здесь ее сохранят для меня. Поэтому к библиотечаршам (у нас это, как правило, женщины) я испытываю чувство глубокого уважения и редко не встречаю ответного. Мы с ними члены одного, открытого для внешнего наблюдателя, но глубоко скрытого по своей сути, тайного ордена. Мы испытываем особое чувство, вдыхая запах старой бумаги, выдохшейся типографской краски, бережно проводя пальцами по тканевому переплету и слегка разлохматившемуся капталу. Мы не торопимся, переходя от шмуцтитула к титулу и далее к первым страницам, радуемся просторному размещению текста с удачно подобранным шрифтом – текст должен дышать. Мы знаем, что такое «черный воздух», незримо окружающий контур каждой буквы и превращающий ее из зарегулированного знака в символ неясных обещаний.

Но, поскольку не все книги можно было найти в библиотеке, я ходил и хожу по букинистическим развалам в надежде как найти то, что мне точно было нужно, так и открыть для себя совершенно новый текст, о котором только смутно догадывался, что таковой должен быть кем-то написан и опубликован. Такие открытия приносят не меньшую радость, чем запланированные находки. Среди букинистов попадаются великолепные знатоки, с которыми можно разговаривать по получасу (более длинные разговоры вырождаются и сворачиваются сами собой) и получать информацию, доставляющую наслаждение новизной или новыми гранями известных ранее сведений.

Одно время в Москве я составил для себя два маршрута обхода букинистических магазинов (я называл это Большим и Малым Кольцами). В Малое Кольцо входили: «Пушкинская лавка» в Камергерском переулке (проезде Художественного театра), «Книжная лавка писателей» на Кузнецком мосту, «Антиквар» в здании гостиницы «Метрополь», магазин у памятника первопечатнику Федорову, и букинистический отдел магазина на Мясницкой. Больше за один проход обойти не удавалось, поскольку выкладка новых поступлений в них происходила примерно в одно и то же время.

За полчаса до выноса новых поступлений в зале появлялось несколько рассеянно блуждающих покупателей, отстраненно разглядывающих стеллажи. Но, по мере приближения «часа икс», они, как бы невзначай, «притягивались» к месту выкладки, стараясь занять стратегически выгодные позиции для захвата новинок. Передвижение было похоже на кадры замедленной съемки, поскольку чопорные выражения лиц и плавные движения не позволяли стороннему наблюдателю усомниться в случайности намерений участников действия. Это были невидимые миру стратегические расчеты и кровопролитные сражения по заранее составленным в соответствии с ними планам. Победитель уносил двухтомник «Троецарствия» издания 1958 года или академическое издание Черубины де Габриак и его спина сияла отраженным светом торжества. Оставшиеся же разочарования не испытывали, поскольку твердо знали, что проигранное сражение не есть поражение в войне и мирно расходились до следующего дня.

В Большое Кольцо входили магазины «Академкниги» и букинистические отделы в обычных книжных магазинах, кои подбирались в зависимости от маршрута. Но и там иногда ждали

нечаянные радости. Так, на ул. Фабрициуса мне попался томик Олега Куваева 1986 года издания с дарственной надписью, адресованной «уважаемому Олегу Михайловичу». Радость находки была в том, что Куваева звали Олег Михайлович. Там же, как-то утром увидел очередь в отдел подписных изданий. Шла запись на трехтомник «какого-то» писателя Колбасьева. Я просто фыркнул от возмущения – на какую чушь тратятся драгоценные ресурсы книгоиздания. Мне тогда и невдомек было, что совсем скоро я буду кропотливо собирать все издания Сергея Адамовича Колбасьева, а вот трехтомник, к сожалению, так и не вышел.

К собраниям сочинений у меня сложилось особое отношение после того, как каким-то чудом мне достался черный четырехтомник Хемингуэя. До этого я перечитал почти все его произведения. Но когда я начал читать его том за томом, то погрузился в его мир полностью. Я начал предугадывать следующую фразу, поскольку начал думать, как он. Понятно, что я несколько льщу себе, но ощущение погруженности в атмосферу немногословности, взвешенности каждого слова и ненужности рисовки и фальши было полным. Конечно, надо сделать поправку на перевод. Но в те времена переводы выполнялись настоящими подвижниками – абы кому Хемингуэя бы не доверили. Со «своим» переводчиком Кашкиным Хемингуэй состоял во взаимоуважительной переписке.

С тех пор у меня сохранилось «верхнее чутье» на нужные мне книги, знакомое каждому мало-мальски опытному книголюбу. Я могу идти по улице, внезапно свернуть в незнакомый переулок и вскоре наткнуться там на маленький книжный магазин, на полке которого, прямо перед входом, стоит книга, которую я до сих пор не мог найти ни в библиотеке, ни в интернете.

Сейчас, после чумы книгообмена, поразившей на время книготорговлю, и какого-то болезненного увлечения изданием и переизданием мусорной псевдолитературы, шлак отсеялся. Оживают ярмарки нон-фикшн изданий, а также букинистические развалы и киоски на Старом и Новом Арбатах. Возрождается книголюбие, и я снова брожу по книжным развалам и бережно беру в руки книги из довоенной серии изданий Academia или «Литературные памятники» в немного скользких переплетах защитного цвета, вдыхая знакомый запах книжной пыли, спрессованной пожелтевшими по краю страницами.

ГОРЫ СЛЕВА, ГОРЫ СПРАВА

Попав в экспедицию Института золота, я научился ставить палатку основательно, обживать ее надолго и готовить на костре не только вареную картошку. Обучение проходило довольно быстро, поскольку в первую же ночь у натянутой мной наспех палатки с пистолетным выстрелом лопнули растяжки и я в темноте под проливным дождем натягивал ее опять. А когда я сварил первый завтрак из слипшейся в резиновый комок вермишели, начальник экспедиции молча порезал ее ножом и после завтрака научил меня азам походной кулинарии.

Работали мы под землей, поэтому каски и аккумуляторы у нас были настоящие шахтерские, а обмундирование – списанное послевоенное армейское. Тогда-то я и понял практичность кирзовых сапог и старого армейского х/б. Когда мы в тайге попали под отвесный ливень и промокли до нитки, мы продолжали идти. А когда ливень закончился, от нас пар валил клубами и уже через десять минут гимнастерки просохли, а вода из сапог вышла тем же путем, каким и вошла в них – через кирзу. Мы бодро топали, совершенно сухие и довольные, поскольку верное х/б дышало и отводило пот не хуже современных многослойных материалов, которые так рекламируют всякие там Columbia.

Иногда я ходил в расположенный неподалеку поселок Хаканджа за свежеиспеченным хлебом. Там можно было посидеть в столовой на середине сопки и помедитировать, любуясь блеском Охотского моря за восемьдесят километров.

У геологов свое отношение к бардовским песням и свои авторы. Один из них – Юрий Кукин, который, по собственным воспоминаниям, начал сочинять песни в экспедиции, выучив три аккорда. И первой его песней стала песня «Горы слева, горы справа». Есть среди них и мэтры вроде Александра Городницкого, так и не научившегося играть на гитаре и выступающего с аккомпаниаторами. В последнее время он выступает с Александром Костроминым, который в начале 70-х у нас на факультете вел кружок КСП.

Среди работников партий встречались довольно интересные люди. Так, в одной партии опробщиком работал преподаватель философии из Харьковского университета. Он разочаровался в профессии и приехал на Дальний Восток в поисках себя и смысла жизни. Была там и супружеская пара ребят, которые жили в отдельной избушке 2х2 метра. Когда мы приходили к ним в гости, все сидели на кровати, поскольку ей жилое пространство и ограничивалось. Ребята жадно спрашивали нас, что там новенького на Большой Земле.

Там я впервые увидел то, что Пришвин, приехав на Дальний Восток, назвал «итальянским небом». В яркий солнечный день я лег на спину и посмотрел вверх – и тут же ощутил, что падаю в небо и удержать меня некому. Есенин описал это ощущение как «синь сосет глаза». Голубизна была вязкой и непрерывно медленно перемешивалась как краска, вылитая в воду.

Там же я ощутил все коварство кедрового стланника. Забравшись на сопку, я решил спуститься вниз и вдруг обнаружил, что меня не пускают низкие, стелющиеся по земле ветки, которые я так легко обходил, поднимаясь вверх. Теперь они мертвой хваткой цеплялись за одежду и обувь. И когда я очутился внизу, одежда была измочалена, а кеды еле держались на ногах, поскольку шнурками пришлось пожертвовать.

Тогда-то я и понял, почему бассет-хаундов называют гончими. Трусит себе по следу олень неуклюжая коротколапая собака с грустными глазами, трусит. Олень стрелой срывается с места, покрывая километр за километром. Но не зря арабы говорят – арабский конь летит стрелой, но только один переход, а верблюд мерно шествует день за днем. Вот и бассет – трусит себе грустно и трусит. Гордый олень же начинает цепляться рогами за ветки, стланник спутывает ему гордые ноги. Вскоре он падает на землю и затравленно дышит, вздымая мокрые от пота бока. И тогда трусцой добирается к нему неуклюжий бассет, ложится напротив, скрестив неуклюжие лапы и участливо смотрит на него грустными глазами – Ну что, набегался?

Вернувшись в Москву, я твердо решил переводиться на геологический факультет. Уже и не вспомню, что меня остановило.

УЧИТЬСЯ УЧИТЬСЯ УЧИТЬСЯ

В комсомольской юности мы заучивали цитату из речи Ленина на 3-ем съезде ВЛКСМ: «Учиться, учиться и учиться!». Так вождь мирового пролетариата терпеливо наставлял непонятливую молодежь, трижды вдалбливая ей ее основную задачу. И мы учились, учились, и опять же учились.

Но как-то в суфийской книге я увидел эту фразу, изложенную несколько по-другому: «Учиться учиться учиться». И тут меня словно пронзило – смысл фразы заиграл новыми гранями! Суфийскую мудрость, представлявшую собой трехслойную вложенную друг в друга мысль, наш бывший вождь просто смял сапогом, превратив ее в плоский «блин», доступный пониманию любого дебила.

Суфии терпеливо объясняли ученику, что прежде чем он начнет что-либо понимать, ему придется научиться тому, как следует учиться, пройдя стадию шариата – заучивания простого набора правил надлежащего поведения. После этого (и только после этого) он будет допущен на следующий уровень – путь тариката, где под руководством опытного наставника начнет изучать священные тексты, постепенно постигая то, как их следует трактовать. И только после этого ему откроется путь хакикята – проникновения в смысл ранее выученных и приблизительно понятых священных текстов.

Наша же, старательно заученная и линеаризованная до лозунга, мысль заключалась в том, что надо упорно долбить, долбить и долбить рекомендованные тексты, не очень-то задумываясь над их смыслом. Дело облегчалось тем, что смысл в них и не закладывался. Они представляли собой набор команд, идеально приспособленных для бездумного исполнения.

Кто бы объяснил мне это «на заре туманной юности».

Почему-то стало грустно.

HE или SHE

Как-то давно в «ленинке» я заказал одно из первых изданий Винни-Пуха, напечатанных в Нью-Йорке в 1935 году. Начал неторопливо (в темпе моего знания английского языка – с перерывами на словарь Мюллера) перечитывать его, как вдруг обратил внимание, что Пятачок там упоминается как «she» – она. Вот так-так...

А ведь тогда вся трогательная дружба Винни-Пуха и Пятачка становится понятной и обретает смысл. Именно светлая дружба мальчика и девочки с оттенком легкого, необидного, покровительства со стороны мальчика. И тогда понятен эпизод с подарком букетика фиалок Пятачку и... Да все сразу становится на место.

Я запомнил свое открытие и как-то упомянул об этом в переписке с приятелем, который знал эту сказку наизусть. Он сразу поправил меня – никаких мальчиков-девочек – he и только he. Я бросился в «ленинку». За прошедшие годы издания 1935 года перекочевали в музей библиотеки и пришлось идти туда. Заказал. Получил. Открыл – he! Перепроверил – тот же результат. Может, я все сочинил и сам в это поверил? Перечитал воспоминания Кристофера Робина – в одном из писем он все же упоминает Пятачка, как she, но только в одном-единственном месте.

Я смирился с Пятачком-мальчиком, но в глубине души все же надеюсь, что уж Алан-то Милн прекрасно понимал, что такая трогательная дружба может быть только между мальчиком и девочкой. И писал именно о ней, какие бы местоимения он не употреблял при этом.

ПЛАТОНОВ

Платонова я открыл для себя несколько неожиданно. У моей мамы не было высшего образования, но был природный ум и природное же чутье на настоящие вещи. Как-то я увидел у нее сборник рассказов и повестей неизвестного мне писателя с простой фамилией. Мама читала его внимательно и с уважением. По молодости я отнес это к ее доверчивости к печатному слову и не обратил внимания на неприятный серенький томик.

Потом, в херсонской областной библиотеке я увидел свежее издание избранного Андрея Платонова и чем-то этот томик привлек мое внимание. Полистав немного, я наткнулся на повесть «Джан» и не смог оторваться. Прочитав ее до конца, я проглотил оставшиеся повести и рассказы и долго не мог придти в себя. Передо мной открылась ранее неизвестная мне бездна другого русского языка, каждое слово в котором прочно сцеплялось с другим, поворачивалось непривычной гранью и от этого возникала вспышка понимания, порой ослепляющая неожиданностью и нескончаемой глубиной. Хотя все слова были знакомы – ни одного неологизма или редкого термина. Позже я прочитал у Бродского, что язык Платонова – это «язык тупика... бешеная философия сюрреализма». Не совсем согласен с ним, но то, что в тупик загнали самого Платонова, и это неизбежно повлияло на его язык, несомненно.

«Одухотворенные люди», «Девушка Роза» – я ничего похожего о войне раньше не читал. Там не было пафоса, люди действовали и говорили естественно, но необычайно, необыденно. Они говорили, подобно героям Древней Греции, для которых та Греция была не Древней, а их повседневной жизнью. Их хотелось слушать и понимать. Кстати, недавно я прочитал версию того, что повесть «Они сражались за Родину» Шолохову написал Андрей Платонов в качестве «литературного негра». После прочтения рассказов Платонова о войне я допускаю такую возможность.

Наиболее глубокое впечатление осталось от «Происхождения мастера» и «Епифанских шлюзов». Первая книга поразила выпуклостью и узнаваемостью образа русского мастерового, спокойно и вдумчиво постигающего окружающий мир. Он относится к нему как к разумному механизму, который надо понять и разобраться в его устройстве. А то, что он разумен и доступен пониманию, у Фомы Пухова не вызывает сомнения. Герой же «Епифанских шлюзов» – такой же мастеровой, только англичанин. Он спокойно и уверенно строит небывалую в России систему каналов и шлюзов, чтобы связать водными путями Дон и Оку. Судьбы у них разные, но даже трагический конец англичанина воспринимается им как естественный исход для этой варварской страны – она и не могла повести себя по-другому, таково ее устройство на данный момент.

Я сразу понял, что передо мной крупнейший писатель России XX века, уровня Толстого. Но в 70-х годах Платонов был еще мало известен и мои знакомые несколько удивлялись моим восторгам, считая их несоразмерными малоизвестному писателю.

Наступила перестройка – и прорвало. Опубликовали «Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур». И все вдруг открыли, что Платонов был критиком существующего строя, что его запрещали. И этот ореол «обиженного» и «запрещенного» заслонил подлинное значение его как писателя. Его политизировали, поставили в общий ряд «полочной» прозы, прозы протеста, а потом и просто затаскали в качестве жертвы «совковости» советской литературной системы и гнета ее главного пугала – Главлита. Ссылаться на Платонова стало общим местом.

И мало кто обратил тогда внимание на то, что Платонов – не жертва, не жупел пропаганды, не плюшевое знамя на диванных баррикадах, а писатель первой величины, явление русской литературы.

Сейчас пыль улеглась, спрессовавшись в плотный бетон, из-под которого не вылезло пока ни одного ростка более-менее приличной литературы. Платонов занял место экспоната

на пыльных полках музея перестройки и время от времени молодые режиссеры-постановщики оттачивают на нем режущиеся зубки. Достойного места в русской культуре он так и не занял.

Но ничего – как сказано в «Женитьбе Фигаро» – «Время – хороший человек». Все встанет на свои места. Просто надо долго и терпеливо сидеть на крыльце своего дома.

Сижу.

ПИСЬМА ПУШКИНА

К столетию со дня рождения Пушкина открылась просто вакханалия славословия, фальшивого поклонения, неумеренных преувеличений и суесловия в адрес поэта. Его реальный образ отлили в бронзе, изваяли в камне, залакировали в несколько слоев и сверху залили патой. Таким он и предстал в 1937-м году – чопорным, похожим скорее на пластического древнего грека, чем на живого человека.

Те же, кто лицемерно лобызал его стопы, хитренько поглядывая по сторонам, аккуратно пересчитывал гонорары за статьи и панегирики и занимал место в очереди, первым номером в которой стоял, конечно же, он – «солнце русской поэзии». На фоне этого колосса потерялись романтичный Жуковский, блистательный Дмитриев, глубокий Боратынский, не менее глубокий Глинка и все поколение поэтов, которым было отказано в праве именоваться пиитами – теперь это право было закреплено опять же за ним – «солнцем».

Вся фальшь этой фантазмагии осыпается сразу после прочтения писем Пушкина. Признайтесь честно – вы когда-нибудь доходили до последнего тома полного собрания сочинений Пушкина? Дойдите. Вы увидите живого человека – веселого, озорного, брызжущего искрометным остроумием и легким, но не легковесным юмором по отношению к женщинам, друзьям, вельможам, обманутым мужьям. Легкость и современность его слога просто поражает.

Почитайте его сосредоточенную запись об Анне Керн через семь лет после «чудного мгновенья»: «С божьей помощью у*б Керн». Боже мой! Какой цинизм – воскликнете вы. И это о «гении чистой красоты»? М-да-с...

А письмо к лихому гусару Мансурову о Катеньке Телешовой? О том, как все «телескопы» престарелых сладострастников сопровождают ее, когда она прогуливается по улице? А ответ Мансурова, в котором он восхищается неопишным восторгом после ночи с красавицей и тут же его сожаления о том, что после мига любви эта красавица не может чудесным образом мгновенно превратиться в удобный диван, на котором приятно отдохнуть?

Конечно, в этом же томе вы найдете и тяжелые размышления зрелого Пушкина о материальных затруднениях, о трудностях быта и содержания семейства. Но это – тоже живая жизнь, без которой опять получаем картонный силуэт вместо великого поэта.

Читайте письма писателей и поэтов – нередко именно там вы найдете настоящую литературу, полную радостей и сожалений, многие из которых так созвучны вашим собственным.

Не скрою, таким умным я стал, благодаря книгоиздательской политике советского времени. Хорошую художественную литературу купить тогда было трудно, а собрание сочинений, даже писателя средней руки, – и просто невозможно, настолько важное место занимал блок одинаково оформленных книг в искусстве оформления интерьеров советских квартир. Тома же этих собраний сочинений с письмами и статьями, не востребованные подписчиками, исправно поступали в магазины подписных изданий и букинистические отделы. Письма Чехова, например, я купил в книжном магазине Охотска за 3 коп. Кстати, там же купил «Утопию» Томаса Мора за 5 коп., а «Город солнца» Томмазо Кампанеллы – за те же 3 коп. Ну как тут было не стать утонченным книголюбом с необщим вкусом... Так, волею-неволею, я им и стал. Сужу об этом по тому, что нередко на формулярах книг в библиотеках, включая «ленинку», моя фамилия стоит в негордом одиночестве.

ПЕЛЕВИН

Редко от кого из моих знакомых слышал доброе слово о прозе Пелевина. К ней относятся как к несколько вычурной, далекой от жизни и потому малоинтересной. Пелевин в нашей прозе стоит особняком как некий вызов недоинтеллигенции с ее претензиями на всепонимание и почтивсезнание. Поколение Википедии и Гугла уважает других писателей – честно говоря, не знаю, каких. И уважает ли вообще. Вполне возможно, ему хватает и блогов с твит-мыслями, инстаграм-образами и телеграмм-истинами. Мне же писучесть коллективного Быкова-Прилепина-Шаргунова-Роя как-то неинтересна.

Впервые с рассказами Пелевина я столкнулся в Омске, когда к моему приятелю заглянул в гости его приятель – редактор местной газеты, выпускник журфака МГУ и издатель библиографии Стругацких. Он-то и принес первый сборник рассказов «Синий фонарь», аттестовав его как первоклассную фантастику. Первый же рассказ «Принц Госплана» захватил меня актуальным сюжетом (компьютерная игромания еще только зарождалась) и свободным современным языком. Остальные рассказы тоже понравились и я стал следить за следующими книгами Пелевина.

Они выходили не часто – где-то раз в пять лет. Каждая новая книга была вызревшей, хорошо скомпонованной, как хороший музыкальный диск. Но вскоре книги стали выходить ежегодно, поскольку Пелевин заключил контракт с издательством, по которому он обязался выпускать книгу в год. Пошли сыроватые, наскоро слепленные книги, без пелевинской глубины и подтекста. Или этот подтекст смутно проглядывался и тут же скрывался за ловким ремесленническим проговариванием темы.

Мне кажется, технологию писательства Виктора Олеговича я разгадал. Первый секрет его в том, что он в совершенстве владеет американским языком на уровне родного языка. И, видимо, активно следит за англоязычными бестселлерами. Как иначе объяснить то, что широкоизвестное «Поколение „П“» представляло собой виртуозную компиляцию из «Generation X» Дугласа Коупленда и «Snowcrash» Нила Стивенсона? А его «S.N.U.F.F.», вышедший почти следом за «SNUFF» Чака Паланика? И это – только то, что видно невооруженным глазом. Складывается ощущение, что Виктор Олегович не очень-то и шифруется, считая, что такой прием правомерен. А почему бы и нет? Ведь Шекспир не ссылался на Саксона Грамматика, рассказавшего историю Амлета, принца датского за четыре века до него. А «Одиссея» Гомера, лежащая в основе множества современных робинзонад и всевозможных скитаний современных авторов? Главное, Пелевин это делает талантливо, выдавая каждый раз вполне себе самостоятельный текст с оригинальным смыслом.

Но больше всего меня привлекает его прогностическая способность, присущая немногим. Так, в «Зенитных кодексах Аль-Эфесби» он предсказал направление развития борьбы с дронами. Да и вскоре после публикации этого рассказа я прочитал, что ВВС США ввело специальные боевые награды пилотам боевых дронов, поскольку до этого к их службе относились пренебрежительно – ведь «воюют» они, сидя в комфортабельных креслах в Сан-Диего. Я увидел новый облик войны – с облаками mosquito дронов, выводящих из строя сверхзащищенные танки, и боевых системах воздушного боя, в которых сверхсовременные истребители – только терминалы в рамках общей задачи. И когда наши военачальники показывают нам новейшие разработки танков и расписывают летные характеристики истребителей, я понимаю, что генералы всегда воюют на прошлой войне.

Или одна из последних вещей – «Смотритель» о Павле Первом. Казалось бы, где мы и где «бедный Павел»? Однако, вчитываясь в хитросплетения месмеризма и регламентов тайного общества, вскоре начинаешь видеть современную систему управления государством... и эта

система совсем не радуется, поскольку она направлена против своих же граждан – на манипуляцию ими с последующей их пастьбой и стрижкой.

А «Зал поющих картатид» показывает не что иное, как систему закрытых увеселений для сильных мира сего разных уровней – от охотничьих домиков до элитных заведений самого высокого класса – того, что в просторечии должно называться просто – разврат, без аллюзий и эвфемизмов.

Так что, к Виктору Олеговичу отношусь с почтением и уважением и искренне желаю, чтобы он быстрее покончил с этой кабалой и начал выдавать очередную книгу раз в пять лет.

Не торопитесь, Виктор Олегович.

Я подожду.

ГОФМАН

Открыл «Эликсиры сатаны» на случайной странице и прочитал:

«Я ожидал подобных расспросов и, убедившись, что наименьшими опасностями грозит мне в таких случаях скупой незатейливый рассказ, не стал особенно распространяться о своей жизни, сообщив лишь, что сперва изучал теологию, но когда умер мой отец, оставив мне богатое наследство, отправился путешествовать из любопытства и любознательности. Место моего рождения я переместил в польско-прусские владения и снабдил его таким наименованием, угрожающим целостности языка и зубов, что оно царапнуло ухо старой даме и та не отважилась переспросить.

– Ах, сударь, – сказала старая дама, – от вашей внешности пробуждаются кое-какие грустные воспоминания, да и не умалчиваете ли вы из скромности о том, кто вы в действительности; едва ли студент-теолог держался бы с таким достоинством, как вы».

Фантастический язык... Я не поленился посмотреть имя переводчика – перевод В. Микушевича. Не претендую на статус знатока переводов и переводчиков, но этому человеку хочу выразить благодарность за бережный и изысканный перевод, поскольку именно его стараниями и благодаря его дотошности мы получили достойную рамку прекрасному тексту.

В последнее время издатели стали экономить на выплатах по авторским правам и нанимать переводчиков попроще – даже для классических текстов. Так мы и получаем «Замогильные записки» вместо привычных «Посмертных записок Пиквикского клуба» и прочие перлы торопливых переводов, склеенных из текстов Гугл-переводчика, обработанных рашпилем студентов-филологов за незатейливый зачет.

Именно поэтому, увидев изданный девятнадцатилетний труд кавалера Ордена Восходящего Солнца Татьяны Львовны Соколовой-Делюсиной – перевод «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, я тут же приобрел его, поставил на почетное место и теперь неспешно читаю отрывками, наслаждаясь великолепным русским языком, передающим атмосферу императорского двора средневековой Японии.

И можно ли представить себе тексты Сэлинджера без серебристой дымки личности Риты Райт-Ковалевой, сквозь которую проступают чеканные фразы, которые мы по привычке приписываем Сэлинджеру...

А Гофману... Гофману просто несказанно повезло, что на русский язык его перевел человек, владеющий практически всеми европейскими языками, к тому же и сам не чуждый сладкого яда сочинительства.

ПОДЛИННЫЕ ЛЮДИ

Прочитанная в небольшой новелле мысль навела меня на размышления. Речь идет о новелле Олдоса Хаксли «Юный Архимед». Следуя вышеприведенному замечанию о важности личности переводчика, укажу автора перевода – Н. Рахманова. Это немаловажно, поскольку сборник новелл издан именно ленинградским отделением издательства «Художественная литература» в 1985-м году, на излете издательской культуры, когда в выходных данных еще упоминались корректоры – ныне вымершая профессия, уступившая место спеллерам.

Итак, рассуждая о случайно встреченном, природно одаренном крестьянском ребенке, Хаксли пишет:

«Я размышлял об огромном несходстве между людьми. Мы классифицируем людей по цвету их глаз и волос, по форме черепа. Но не разумнее ли было бы делить их по типу интеллекта? Ведь между крайними умственными типами пропасть была бы шире, чем между бушменом и скандинавом. Этот ребенок, думал я, когда вырастет, станет в умственном отношении в сравнении со мной все равно что человек в сравнении с собакой. А сколько существует мужчин и женщин, которые все равно что собаки в сравнении со мной.

Быть может, только гении могут считаться подлинными людьми. Во всей истории человечества найдется лишь несколько тысяч подлинных людей. Остальные же... что мы такое? Животные, поддающиеся обучению. Если бы не подлинные люди, мы сами не открыли бы почти ничего. Никакие известные нам идеи, в сущности, не могли бы прийти в наши головы. Посейти в них семена, и они взойдут, но в наших умах они никогда не зародятся самостоятельно.

Существовали целые государства собак, думал я, целые эпохи, когда не рождалось ни одного Человека».

Животные, поддающиеся обучению... Я вспомнил, как саркастически отзывались мои коллеги о том, что в омском политехе в курсах по устройству компьютеров пожилые доценты продолжали рассказывать об ориентации магнитных доменов в жестких дисках. Дескать, кому это устройство теперь нужно, не лучше бы было употребить это время на рассказы о современных программных средствах, которые позволяют использовать эти диски, не тратя время на знания об их устройстве. Да и вообще, сейчас можно купить себе смартфон с восьмиядерным процессором, блютусом и тремя камерами по пятьдесят мегапикселей, не имея понятия, зачем нужно именно восемь ядер и нужно ли такое их количество вообще, причем тут «синий зуб» и что после восьми мегапикселей разрешение камер становится неразличимым. А обладатели лазерных принтеров вообще в большинстве своем не представляют себе, что такое «лазерная накачка».

В принципе – а зачем знать, если умеешь нажать на кнопку и получать нужный результат? Что-то из раннего Павлова с учением об условных рефlekсах. Нажал на педальку – получил банан. Залез обратно на дерево и наслаждайся. Счастливых обладателей бананов все больше. А людей в белых халатах по ту сторону клетки – все меньше. Скоро некому будет подкладывать бананы в кормушку.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВДОВЫ

После каждого писателя остаются его родные. Иногда это – вдовы, прожившие с ними долгую жизнь. Многие из них полностью посвятили им жизнь, служа и утешительницами, и вдохновительницами, и няньками и машинистками-переписчицами. Сейчас трудно себе представить, что Софья Андреевна четырежды полностью переписывала «Войну и мир» под диктовку мужа. Или что Женни Маркс могла разобрать рукопись своего мужа даже там, где он сам уже не мог прочесть написанное собственноручно.

Но здесь я хотел бы бережно коснуться оборотной стороны этой верности. После смерти Андрея Платонова его жена Мария Александровна участвовала в подготовке к посмертной публикации его произведений. Из лучших побуждений она старалась, чтобы не было утеряно ни одного слова из наследия ее мужа. И в результате, одна из лучших повестей Платонова «Джан» была расширена почти на треть за счет черновиков по сравнению с вариантом, подготовленным им самим. Смысл произведения поменялся практически на противоположный. У Платонова повесть заканчивается на том, что Чагатаев видит разбредающийся по пустыне народ джан и это наполняет его чувством исполненного предназначения – он накормил народ, а как ему жить дальше, он решит сам. В дополненном же варианте с этого места начинается унылая словесная «жвачка» из повторов и вариаций пережитого Чагатаевым раньше, постепенно хоронящая смысл всего произведения.

Или пример с «сенсацией» 70-го года – изданием романа [Эрнеста Хемингуэя](#) «Острова в океане», написанного им в 1950—1951 годах, отредактированного и опубликованного его вдовой [Мэри Вэлш Хемингуэй](#) уже после его смерти. Вариант 70-го года толще первоначального раза в полтора. Но он мертвый и занудный. Просто поразительно, как можно было вынуть из урны выкинутые автором черновики и впихнуть их в живую ткань романа.

Я это к тому, что уважения эти женщины, безусловно, заслуживают, но подпускать их к сотворчеству с великими мужьями – фатальная ошибка.

ЗАБОЛОЦКИЙ

Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы – клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист.
И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

Чувствуете, как радость просто фонтаном брызжет из каждой строчки? С каким восторгом поэт пробует на вкус разные ритмы и звукосочетания? Он словно пианист, надолго разлученный со своим инструментом, который бросается к нему и торопливо пробует разные звуки и аккорды. И радуется, что инструмент не расстроен и по-прежнему ему послушен.

Именно так. Попав в заключение на долгих семь лет, пройдя магаданские лагеря и поселение в казахской степи, Заболоцкий не написал за это время практически ни строчки. И когда он начал писать, вернувшись в Москву, первым его стихотворением стало «Утро» – ликующее, звонкое, наполненное светом, причудливо меняющее ритм, но твердо опирающееся на отчетливые рифмы.

Это был уже совсем другой поэт – не автор озорных «Столбцов», а поэт-философ, переживший многое, но сохранивший «огонь, мерцающий в сосуде».

КИРСАНОВ

День еще не самый длинный,
длинный день в году,
как кувшин из белой глины,
свет стоит в саду.

А в кувшин из белой глины
вставлена сирень
в день еще не самый длинный,
длинный летний день.

На реке поют сирены,
и весь день в саду
держит лиру куст сирени,
как Орфей в аду.

Ад заслушался, он замер,
ад присел на пеню,
спит с открытыми глазами
Эвридики тень.

День кончается не скоро,
вьется рой в саду
с комариной Терпсихорой,
как балет на льду.

А в кувшин из белой глины
сыплется сирень
в день еще не самый длинный,
длинный летний день.

Просто покатайте эти строки во рту, как прохладный шарик мороженого. Это – стихотворение для жаркого июньского дня. В другое время и в других условиях оно не «выстрелит». И читать его лучше медленно, лениво, слегка в нос и нараспев.

СЕРЕБРИМАЯ

Ночь весенняя дышала
Светло-южную красой;
Тихо Brenta протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Проснулся утром. В памяти, видимо, в продолжение сна, звучал известный романс Глинки на стихи Козлова. Внимание привлекло слово «серебримая». Редко встречающийся страдательный залог. До этого эту форму встречал только один раз. Наши стройотрядовские остряки как-то увидели позу спящего во время перерыва товарища и тут же окрестили ее «мальчик, бегомый к реке». Подмечено было точно и определение вошло в факультетские анналы.

Но тут, за изящно выписанным определением следовали другие, не менее яркие – «светло-южная краса», «огнистая волна», «прозрачные облака», «пар душистый». Такие образные, яркие, сочные определения почти вышли из употребления в нашем полуанглийском-полуамериканском исковерканном и ободранном языке. Он уже давно не «великий и могучий», а «униженный и заискивающий перед великим и могучим американским». Но не буду отвлекаться на И.С.Тургенева, поскольку это уведет нас слишком далеко от И.И.Козлова и его хрустально хрупкой поэзии. Как известно из биографии, стихи он начал писать после того, как в 37 лет получил паралич ног, а в 42 ослеп. Видимо, этим и объясняются несколько преувеличенные визуальные характеристики картин в его стихах. Глухой композитор (Бетховен) и слепой поэт (Козлов) – символы предельного напряжения в изобразительности, малодоступного привычным слуху и зрению.

Нашел в интернете полный текст стихотворения. Несколько поразился тому, что глубоко сентиментальные строки не сваливаются в слащавость, твердо став на самой ее границе сторожевыми столбами. Сентиментальность – чувства открытой души. А какая душа может быть более открытой, чем та, у которой только и остались глаза, обращенные внутрь. Нашел хор Балакирева на эти же стихи. Прослушал. День начался светло.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет,
Где родилась она, такая,
Почти лишенная примет?
Она летает, приседая,
Она, должно быть, из Китая,

Здесь на нее похожих нет,
Она из тех забытых лет,
Где капля малая лазори
Как море синее во взоре.

Она клянется: навсегда! —
Не держит слово никогда,
Она едва до двух считает,
Не понимает ничего,
Из целой азбуки читает
Две гласных буквы – А и О.

И имя бабочки – рисунок,
Нельзя произнести его,
И для чего ей быть в покое?
Она как зеркальце простое.
Пожалуйста, не улетай,
О госпожа моя, в Китай!

Не надо, не ищи Китая,
Из тени в свет перелетая.
Душа, зачем тебе Китай?
О госпожа моя цветная.
Пожалуйста, не улетай!

Когда первую строку этого стихотворения я увидел на рекламном плакате МММ, то сначала был поражен цинизмом основателей «пирамиды». Так открыто объявить простодушным вкладчикам – «Она клянется: навсегда! – Не держит слово никогда». И кто теперь может предъявить им обвинение в обмане? Потом узнал, что Сергей Мавроди был искренне увлечен собиранием коллекции бабочек.

Сам же Тарковский написал это стихотворение, выздоравливая в госпитале после тяжелого ранения в 1945-м году. Это видно и из его названия – «Бабочка в госпитальном саду».

Не могу не упомянуть прекрасно исполненную Сергеем Трухановым песню на эти слова:
<https://www.youtube.com/watch?v=ErLPmsmwLKY>

ДУ ФУ

В синем небе кружит
Одинокая хищная птица,
А под нею – две чайки
Плывут по реке не спеша.
Хищник может легко
За добычею вниз устремиться,
Но не знает тревоги
Беспечная чаек душа.
Надвигается вечер,
Росой покрывается поле,
А паук на ветвях
Паутину плетёт и плетёт.
И законы природы
Близки человеческой доле —
Одинокую стою
Среди тысячи дел и забот.

Что мы знаем об эпохе Тан в средневековом Китае? Эпоха расцвета искусств и ремесел, утонченности и изысканности императорского дворца. И все это оказывается не самым главным. А главное – посреди всего этого великолепия стоит совершенно седой старик в бедной одежде и тихо читает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.